

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220308

УДК 94:72(470)"14"

А.В. ЗАБЕЛИН

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет,
РФ, 630008, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, 113

В статье предпринят историко-искусствоведческий анализ строительной программы Ивана III. Источниковую основу исследования составили введенные в научный оборот делопроизводственные, архитектурные и религиозные материалы. Изучаются характер и объемы частного меценатства европейских правителей XV в., формы государственного представительства и патронажа эпохи Ренессанса. Рассматриваются заимствования и переработки образцов, покровительство архитекторов «нового профессионализма». Обсуждается дилемма «светского и религиозного» в характере великого князя. Автор приходит к выводу об индивидуальных чертах его строительной программы: великий князь был меценатом средневекового типа, а черты Нового времени проявились под влиянием Софии Палеолог и ее окружения; только вторая половина программы имеет сходство с европейскими аналогами. Разработана типология строительной программы на основе пяти символических семейств: «уважение к памяти, деяниям и славе предков», «почет патрональному святому», «обет и благодарение Богу», «Москва – Третий Рим», «забота о загробной жизни». Составлена сводная таблица по 39 строительным объектам.

Ключевые слова: Иван III, строительная программа, меценатство, Аристотель Фиораванти, новый профессионализм, Ренессанс, Новое время.

A.V. ZABELIN

THE SYMBOLIC FEATURES OF IVAN III'S BUILDING PROGRAM

Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,
113, Leningradskaya str., Novosibirsk, 630008, Russian Federation

The article discusses the issue of the building program by Ivan III and its place in the art history. To do this the author correlates Ivan's personality and the list of his architectural works. The issue is studied not in frames of archaeology, but in terms of anthropology, that requires the typological approach application. The author relies on published architectural and religious materials to identify the types-symbols inherent in the Grand Duke's building activities.

Firstly, the paper studies the character and objects of private patronage of such XV century European rulers as bishop of Rome Nicholas V, Cosimo de' Medici, Francesca Sforza, Jan Zamoyski and others. Many of them needed the state representation effective forms. Therefore, the arts patronage developed more actively during the Renaissance.

Арте́мий Ви́кторович Забе́лин – бакалавр архитектуры, магистр философии, аспирант Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, e-mail: zabelin90artyom@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6949-8201>

Artemiy V. Zabelin – Bachelor of Architecture, Master of Philosophy, postgraduate student of Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering.

Then the author turns directly to the activities of Ivan III; notes both possible borrowings and explicit recycling samples of building programs. For example, Ivan III was the patron of architects, who were parts of the New Professionalism in the Renaissance. The Russian ruler invited such architects as Aristotle Fioravanti, Aloisio the Old, Aloisio the New, Antonio Gislaridi, Marco Ruffo and Pietro Antonio Solari. They were all representatives of a Renaissance type architect of the post-classical history.

The fact of these Italians invitation brought the author to the dilemma of the Grand Duke's religious and secular character. It was impossible to bypass it as Ivan III was very different from the patrons mentioned above. First of all, he was far from the Renaissance humanism.

The paper concludes that Ivan's building program has a number of unique features: its first half is medieval in style, but by design repeats the new modern trend to represent spectacularly the new power; all architectural objects are full of religious meaning, but, at the same time, it is a common case of typically secular ambitions of the ruler. Sophia Palaiologina and her entourage reinforced the influence of features of the post-classical history in her husband's program. Therefore, the author considers that only the program's second half should be regarded equal to its European counterparts.

The five symbolic families ("Respect to the memory, deeds and glory of ancestors", "Honor to the patron Saint", "Vow and thanksgiving to God", "Moscow is the third Rome", "Care for the afterlife") are the base of the building program typology. Thirty-nine architectural works are compiled at the summary table.

Key words: Ivan III, building program, patronage, Aristotle Fioravanti, New Professionalism, Renaissance, Early modern period.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых загадочных страниц истории архитектуры России был период правления Ивана III. Уже много поколений ученых пишут о сооружениях итальянцев в Московии. Однако исчерпать тему архитектуры Ивана III в контексте рождения поствизантийского мира удастся еще не скоро. Она будет интересна как для отечественной, так и для зарубежной науки¹. Строительная программа Ивана III остается малоизученной, несмотря на обширную литературу по данному вопросу. Мы знаем о ней из открытий в истории и археологии, но все они носят фрагментарный характер и не позволяют представить строительную деятельность Ивана III как систему. Поэтому в данном исследовании ко всем 39 строительным объектам программы был применен метод «символической типологизации», согласно которому архитектура этой программы рассматривается с учетом взаимодействия мецената и архитектора. Данный способ упорядочения объектов и интерпретации их религиозного и идеологического значения основывается на текстах Библии, анализе летописей из книги Н.С. Борисова «Иван III», а также на специальных исследованиях историков, архитекторов, искусствоведов и философов.

В XV–XVI в. многие правители создавали строительные программы [Anderson, 2013, p. 176]. Идея «частного меценатства» или «покровительства» была рождена в Италии вместе с «воскресением» античных идеалов. Сам термин «меценат» (*ит. mecenate, фр. mécène, исп. mecenas*) указывает на человека, обладающего властью или ресурсами, который «покровительствует», т.е. поддерживает творческую деятельность тех или иных писателей и художников. Как и в Средние века, в XV в. идеалом многих меценатов был образ римского императора. Например, образцом

для подражания мог быть Константин I – основатель христианской архитектуры [Gilbert, 2005]. Среди создателей строительных программ Ренессанса особенно выделялись папа Николай V, Козимо Медичи и Франческа Сфорца. Именно они были патронами архитекторов так называемого нового профессионализма, которые работали во Флоренции и Милане: Брунеллески, Альберти, Филарете и др. [Забелин, 2021]. Процесс «перемещения культур» привел к тому, что правители Восточной Европы стали подражать итальянскому меценатству. К примеру, король Венгрии Маттиас Корвин (правил в 1448–1490 гг.) и его приемник Владислав II (1471–1516) покровительствовали строительству в итальянской манере. Тем же занимались и польские короли: Александр (правил в 1501–1506 гг.) и Сигизмунд I (правил в 1506–1548 гг.). Прозванный «польским Медичи» канцлер Ян Замоиский (1542–1605) создал строительную программу идеального города Замостье [Дмитриева, 2015, с. 160]. Все упомянутые программы объединяла задача легитимации власти с помощью визуальных видов искусств. Иными словами, все строительные программы светских правителей XV–XVI в. служили формой государственного представительства.

Однако мода на меценатство не означала, что правители обязательно покровительствовали «новому профессионализму». Спрос на архитекторов, которые возрождали древнеримское зодчество, был относительно невелик.

Причин оказалось несколько. Во-первых, «новый профессионализм» – это деятельность архитекторов классицизма XV–XVI вв., а господствующее в европейской архитектуре кватроченто принадлежало не ему, а позднеготической традиции строительства, которую формировал так называемый старый профессионализм. Согласно Уилкинсон Зернер, архитекторы «нового профессионализма» охотно приняли «разрыв между архитектором и ремесленником» (*a gap between the architect and the craftsman*). В 1450 г. этот разрыв описал Альберти, а XVI в. он

¹ В частности, о восточноевропейском пути архитектуры позднего Средневековья в Новое время писали М.Э. Дмитриева [2015] и Д.О. Швидковский [2016].

распространился по всей Италии, и преодолеть его было уже невозможно, ожесточенные споры о компетентности происходили между сторонниками «свободных и механических искусств» (*the liberal and the mechanical arts*) [Wilkinson, 1977, p. 130].

Во-вторых, как было установлено К. Андерсон, строительные программы эпохи Ренессанса разрабатывались разными путями. Например, строительная программа короля Португалии Жуана I (1358–1433), а затем Дуарте I (правил в 1433–1438 гг.) включала мастеров готики, т.е. представителей «старого профессионализма». Строительная программа султана Османской империи Мехмеда II (правил в 1446–1481 гг.) развивалась по пути исламской традиции архитектуры [Anderson, 2013, p. 3, 23–26]. Таким образом, в строительной деятельности правителей XV в. были не только сходные, но и отличительные черты.

МЕСТО СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III В ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

Как известно много исследований посвящено отдельным зданиям – памятникам архитектуры XV в., но представление об индивидуальных особенностях строительной программы Ивана III (правил в 1462–1505 гг.) отсутствуют. Прежде всего, мы рассмотрим связь его политики со строительством, а затем остановимся на эстетико-символических аспектах самой программы.

Следует ли относить строительную программу Ивана III, как и его сына Василия III (правил в 1505–1533 гг.), к архитектуре итальянского Ренессанса? Или, точнее, «нового профессионализма»? Представители «старого профессионализма» строили для правителей в духе теократии и теоцентризма. Адепты «нового профессионализма», увлеченные язычеством, строили для правителей с учетом норм «раннего секуляризма» [Гура, Давыденкова, 2018, с. 5]. Но был Иван III религиозным или светским правителем? Несомненно, Иван III придавал большое значение архитектуре как средству легитимации власти и как форме государственного представительства. Такую архитектуру ему могли спроектировать только представители «нового профессионализма». Однако, когда Иван III объединял земли и строил храмы и дворцы, он согласовывал свои действия с церковным календарем. В этом проявлялось его «чувство религиозной ответственности» за свое дело [Борисов, 2018, с. 82]. Он стремился сделать свою строительную программу «удобной в очах Господних»². Сложная дилемма «светского и религиозного» в характере Ивана Великого вынуждает рассматривать факты его меценатства с нескольких сторон.

С одной стороны, все сооружения, возведенные на средства Ивана III, были «мемориальными», т.е. строительная программа должна была сохраниться в памяти государства. По словам Н.С. Борисова, эти сооружения «создают иллюзию бессмертия» диктатора. Строительные объекты Ивана III символичны, так как «являются важным элементом тех сложных отношений ... с Богом» [2018, с. 507–508]. И пожертвования на строительство сами по себе еще не следуют из влияния «перемещения» итальянской культуры (предки Ивана III тоже строили храмы и крепости). Но идея создания памятника событию укоренена уже в Ветхом Завете. Поэтому, когда Иван III слушал чтение о «Лестнице Иакова»,³ он воспринимал эту историю применительно к себе. Факты об объектах строительной программы свидетельствуют, что Божии обетования Иван III воспринимал на личном уровне, а обеты Иакову – как свои собственные. По выражению Н.С. Борисова, фигура этого великого князя обладает «таинственным ветхозаветным величием» [2018, с. 10].

С другой стороны, Иван III не увлекался меценатством как вышеупомянутые правители, а подготавливал почву для развития активной торговли по всей Руси. К.С. Бельский пишет, что финансирование на Руси XV–XVI вв. «строго контролировалось властью, так как приносило казне большие доходы» [2020, с. 87]. То же писал барон Сигизмунд Герберштейн [2008, с. 90]. Согласно Н.С. Борисову, Иван III на основе «быстрорастущей бюрократии» создал великолепную «систему управлению войском» [2018, с. 285]. Дж. Флетчер засвидетельствовал, что Иван III «обращался к боярскому совету ежедневно, особенно по финансовым вопросам» [Бельский, 2020, с. 10]. В бюрократию входили руководители приказов, которые на бумаге отчитывались о затратах на военные дела, строительство и внешняя политика.

Иван III был очень бережлив, когда дело касалось найма иностранцев. Яркий пример – случай его финансовой проделки. Возвращая итальянца Тревианиа его покровителю – венецианскому дожу Никколо Трона, Иван III вручил перед дорогой провинившемуся послу 70 руб., но в сопроводительном письме написал, будто дал 700 [Борисов, 2018, с. 295–296]. Венецианский дож заплатил за своего посла лишние 630 рублей (позже Иван III платил итальянскими деньгами своему первому чужеземному архитектору – Аристотелю Фиораванти). Известны и другие примеры бережливости правителя. Зачастую он переносил тяжесть финансовых расходов на духовенство.

² Пар 34:2.

³ Быт 28:12–22.

Митрополита Филиппа он уговорил оплатить строительство первого Успенского собора, который «мастерили» Кривцов и Мышкин [Борисов, 2018, с. 300–301]. Пополнение государственной казны осуществлялось в основном за счет налогообложения крестьян [Бельский, 2020, с. 84]. Дополнительные средства взимались с «золотой курицы» – Новгорода, союзной Казани и подчиненной Вятки [Борисов, 2018, с. 285, 390, 354].

Иван III положил начало русской традиции – приоритетному финансированию армии и военной промышленности. Строительство крепостей и храмов осуществлялось в этом русле его политики. Внешняя политика Ивана III, особенно посольствам и строительству дворцов, отражала еще одну форму государственного представительства.

Мы снова возвращаемся к дилемме «светского и религиозного» в характере политики Ивана III. Строка расходов на строительство была в ней второй по приоритетам. Эстетика средневекового христианства в своей основе связана с символикой. Иван III был готов «тратить колоссальные деньги и непомерные силы на символы» [Борисов, 2018, с. 507]. А.В. Пустовита заметил, вся средневековая христианская культура, в частности ее эстетика, символична, поскольку она отсылает к чему-то трансцендентному, потустороннему, так как «символ – такой объект, который имеет значение не только сам по себе, но и как указание на другую сущность» [2006, с. 106–107]. Таким образом, Иван III был меценатом средневекового типа.

В отличие от итальянских меценатов, Иван III не имел соответствующего образования. Когда Н.С. Борисов связал образ «князя» Макиавелли и фигуру Ивана III, говоря о последнем как о ренессансном правителе, то он доказал секулярный характер его отношения к престолу, отцу, братьям и духовенству. Однако, как меценат Иван III больше напоминает средневекового человека.

Если наше предположение верно, то имеет смысл сосредоточить внимание на эстетической и символической сторонах строительной программы Ивана III. Военные победы, преодоление кризисных ситуаций, проявление Божьей милости к народу или его семье – все это было поводом для материализации его чувств в виде строительных объектов [Борисов, 2018, с. 508]. Для удобства анализа все объекты строительной программы поделены на символические семейства. Их пять: «уважение к памяти, деяниям и славе предков», «почет патрональному святому», «обет и благодарение Богу» и «Москва – Третий Рим», «забота о загробной жизни» (таблица, № 1–39).

АНАЛИЗ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ИВАНА III

К первому символическому семейству относятся: церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору, Кремлевские стены, Фроловская башня, интерьеры церкви Воздвижения на Торгу и Георгиевского собора в Юрьев-Польском, а также храма Рождества Богородицы.

Отправным событием строительной программы Ивана III было появление на свет его первенца. Молодой отец хотел, чтобы у него с сыном был общий «патрональный святой» – Иоанн Креститель. Поэтому, в 1458 г. Иван III приказал начать каменное строительство церкви Иоанна Предтечи «на Бору», которое было завершено в 1461 г.⁴ (таблица, № 1).

Идея создания репрезентаций представителей правящей династии вдохновляла многих правителей эпохи Ренессанса. По словам М.Э. Дмитриевой, «гуманизм Петрарки» повлиял на императора Карла IV (1316–1378), который заказал изображение родословного дерева Люксембургов с бюстами работы мастерской Парлера в пражском соборе Св. Вита [Дмитриева, 2015, с. 237]. Пример Карла IV вдохновил Фердинанда II (Тирольского), который заказал аналогичную галерею своих предков сначала в Испанском зале в Амбрасе, после чего посоветовал сделать то же отцу-императору во Владиславском зале в Праге. Ивана III тоже интересовала тема памяти о «достославных деяниях великих владимирских правителей». Чтобы завершить строительные дела отца, Иван III способствовал завершению обновления Кремлевских стен – от Свибловой башни до Боровицких ворот (Таблица, № 2–4).

По фрагментам сооружений и архитектурного декора, сохранившимся с XV в., а также из летописей мы можем рассмотреть первые шаги меценатства Ивана III. В 1464 г. он повелел украсить внешнюю сторону Фроловской башни каменной скульптурой св. Георгия Победоносца. Н.С. Борисов пишет, что Иван III заказал скульптуру, которая бы символизировала крестителя Руси – князя Владимира (правил в 980–1015 гг.) [Борисов, 2018, с. 510]. Через два года Иван III продолжил украшать Фроловскую башню. Скульптура св. Дмитрия Солунского заняла внутреннюю сторону башни. Н.С. Борисов раскрыл глубину смысла этой работы: св. Дмитрий был покровителем Всеволода Большое Гнездо (правил в 1117–1212 гг.), а затем и всех киевско-владимирских князей [2018, с. 183].

Обновление интерьеров трех храмов показывается, как последовательно происходила символизация

⁴ В 1508 г. церковь отстроена заново итальянским архитектором Алевизом Новым.

«уважения к деяниям и славе предков». В 1468 г. Иван III восстанавливал небольшую церковь Воздвижения во Владимире. Ее построил в 1218 г. князь Константин (правил в 1205–1218 гг.) – наследник Всеволода [Борисов, 2018, с. 190]. Затем был обновлен храм Положения Ризы Господней на Золотых Воротах во Владимире. В 1160 гг. Андрей Боголюбский (правил в 1149–1174 гг.) повелел построить боевую и проездную башню из белого камня с учетом возможности проводить богослужения. Из-за необычной формы башня несколько раз обрушивалась и восстанавливалась. Ивану III пришлось вложить немало средств, чтобы сохранить памятник боевой славы своего предка. За большим старинным Георгиевским собором должны были ухаживать лучше, чем за малыми церквями, однако и он обрушился к середине XV в. Здание было сооружено в 1230–1234 гг. по приказу князя Святослава Всеволодовича (правил в 1140–1194 гг.) в городе Юрьеве-Польском. Иван III не сразу обратил внимание на запущенный вид этого здания. Только в 1470 г., чтобы сохранить лицо перед иностранными послами, Иван III приказал отремонтировать и этот храм [Борисов, 2018, с. 511]. Интерьеры Георгиевского собора примечательны росписями в итальянской манере: в них видна проработка светотени и построение перспективы. Внешний облик собора был восстановлен в упрощенных формах, с четырехскатной кровлей и приземистым барабаном⁵.

Реконструкциями вышеназванных храмов руководил Василий Ермолин (1420–1485). Его можно отнести к мастерам «старого профессионализма», он не учился у итальянских архитекторов. Ермолин не умел чертить и проектировать, подобно итальянцам, и являлся «лишь организатором строительных работ» [Медведь, 2017]. Но чтобы взаимодействовать со своим меценатом, ему не требовалось быть архитектором. Иван III высоко ценил его талант руководителя строительством. Он не оценивал эстетику произведений Ермолина, как это сделал бы ценитель искусства итальянской манеры. Вероятно, начальное исполнение строительной программы (1458–1475) целиком принадлежит Ермолину (таблица, № 1–11).

Итак, церковные здания, возведенные для представления родословной Ивана III, мы объединили в

одно символическое семейство – «уважение к деяниям и славе предков».

Рассмотрим следующее символическое семейство. Н.С. Борисов пишет, что в 1480-е гг. «очерчивается круг тех святых, которых было принято считать небесными покровителями Московского государства и его правителей» [2018, с. 516]. Из 19 только 5 святым возводились отдельные храмы. Важно заметить, что 9 из 39 объектов посвящены Богородице, т.е. она имела преобладающее значение для Ивана III. Здания строились в память о: (а) ее рождении и смерти (таблица, № 5, 14, 29; 10, 12, 19, 34); (б) событиях ее земной жизни (таблица, № 6, 21). С одной стороны, приоритет поклонения Св. Марии объясняется так называемым культом Марианской преданности 431 г. С другой стороны, этот приоритет был частью московского нарратива [Медведь, 2017]. По легенде, когда в 1395 г. Тамерлан хотел завоевать Московию, его остановила Владимирская икона Божией Матери [Борисов, 2018, с. 315]. В 1480 г. икона Богородицы снова сыграла важную роль в истории Руси. Когда священники принесли образ Божией Матери, «стояние на Угре» закончилось победой над Большой Ордой хана Ахмата. Однако для Ивана III имя Богородицы было также именем его матери – Марии Ярославны. Известно, что это была «энергичная, властная и достаточно богатая» женщина, которую сын не только любил, но и побаивался [Там же, с. 508]. Поэтому, вероятно, желание угодить 7 храмами «небесной» Марии, было дополнено почитанием «земной» Марии.

Итак, программа Ивана III включала три храма Рождества Богородицы: первый (1466 г.) был возведен в Пафнутьево-Боровской монастыре; второй – только обновлен в 1480–1481 гг., а третий построен в 1490 г. при Ферапонтове монастыре [Борисов, 2018, с. 516]. Кроме того, в программе имелось три Успенских собора: первый – московского Кремля в 1479 г.; второй – Иосифо-Волоколаменского монастыря в 1484 г.; третий Кирилло-Белозерского монастыря в 1497 г. Были и два объекта деревянного зодчества: Церковь Гребневской Богородицы 1472 г. в Новгороде и церковь Положения Ризы 1485 г. в с. Бородава (таблица, № 5, 6, 10, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 29, 34).

Успенский собор (1479 г.) является самым ярким сооружением строительной программы Ивана III. Почему и при каких обстоятельствах он был построен? Сначала он предпочитал ремонтировать здания, а не строить новые. Однако белокаменный Успенский собор 1327 г. (времен Калиты) уже не подлежал обновлению [Борисов, 2018, с. 289]. Изначально Иван III не хотел финансировать строительство нового Успенского собора. Поэтому он переложил финансовые

⁵ Козиоров И. Роспись конхи алтарной апсиды «Тайная вечеря»; Роспись внутреннего свода «Христос и Никодим». Роспись внутреннего свода «Сопрестоліе»; Роспись внутреннего свода. Интерьер церкви Воздвижения на Торгу (1218 г. постр.). – Изображение // Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Рублева. URL: <https://www.rublev-museum.ru> (дата обращения: 28.06.2022).

проблемы на митрополита Филиппа. Этот поступок вполне согласуется с вышеприведенными приоритетами в расходах правителя. Филипп старался оправдать ожидания князя, так как «был верным союзником Ивана III». Однако он не смог завершить этот проект. Помешали даже не конфликты, обиды или скандалы, которые сопровождали строительство митрополичьего собора⁶. Князь мечтал сделать Успенский собор доминантой Кремля, но Ермолин не умел строить большие храмы. Поэтому приехали мастера из Пскова – Кривцов и Мышкин. Изменив обмерный чертеж древнего Успенского собора во Владимире, они увеличили контур плана храма. Тем временем митрополит уже в начале строительства испытывал острую нехватку средств и во всем старался экономить. Так, он облагал дополнительными налогами священников и монахов. Вдобавок к техническим и финансовым сложностям участок строительства оказался неудобным. Несмотря на строительные работы, в старом соборе должны были продолжаться богослужения. Гробницы московских святителей Петра, Феоноста, Киприана, Фотия и Ионы накладывали дополнительную ответственность [Борисов, 2018, с. 302].

Таким образом, Иван III усложнил мастерам и меценату проектное задание. Он хотел угодить Богородице и одновременно упрочить память о деяниях Калиты. Но из-за недостатка опыта в строительстве крупных храмов Успенский собор Кривцова и Мышкина рухнул. За год до этого (1473 г.) скончался митрополит Филипп и был рукоположен епископ Геронтий [Борисов, 2018, с. 316]. В тот момент Иван III решил, что он сам станет покровительствовать строительству Успенского собора. Он отправил в Италию своего посла Семена Толбузина, откуда тот возвратился с Аристотелем Фиораванти.

Фиораванти был первым архитектором «нового профессионализма» в Московии, взаимодействовал почти со всеми крупными меценатами и архитекторами Италии, формировался в среде ренессансного гуманизма. В Болонье Фиораванти состоялся как цеховой мастер, в Риме определилась его специализация по подъему сверхтяжелых деталей, в Италии он обрел славу «человека, который двигает башни», но в масштабе Европы ему не удалось достичь наименования «ученого архитектора» [Забелин, 2021, с. 128]. Согласившись служить Ивану III, Фиораванти хотел поднять свой социальный статус.

Болонский архитектор получил от князя сразу два задания – «техническое» и «эстетическое». Второе было сформулировано так: храм должен выражать «прежнее греческое богоустановленное благочестие» [Швидковский, 2016, с. 91]. Фиораванти успешно выполнил оба задания, но Иван III отказался отпустить его домой в Болонью. Вежливые письма итальянских покровителей Фиораванти остались без ответа, а возмущения самого архитектора Иван III подавил так же сурово, как поступил с братьями и аристократами Пскова и Новгорода. Фиораванти был нужен князю не только для формирования государственного представительства, но и для совершенствования артиллерии и фортификации. Но архитектор не дождался начала обновления Московского Кремля, и Иван III пригласил новых итальянских мастеров.

Среди исполнителей воли Ивана III были те, кто интересовался итальянским искусством. Сначала в роли подмастерья художник Дионисий (1440–1508) рисовал фрески в церкви Пафнутьево-Боровского монастыря, в 1481–1482 гг. вошел в артель, которая занималась живописью Успенского собора Фиораванти. В 1484–1486 гг. он руководил росписью собора Иосифо-Волоколамского монастыря. Вероятно, князю нравились образы Богородицы кисти Дионисия, поэтому он заказал ему фрески площадью 600 м² в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря⁷.

В 1484 г. Иван III снова нанял Кривцова и Мышкина, чтобы в честь Благовещения Богородицы они построили новую придворную церковь. Почему для строительства Благовещенского собора правитель пригласил не Фиораванти, а псковских мастеров «старого профессионализма»? По мнению М.Э. Дмитриевой, восточноевропейские правители предпочитали заказывать возведение важных зданий у итальянских мастеров, а не у местных [Гура, Давыденкова, 2018, с. 88]. Вероятно, болонский архитектор болел и не мог принять активное участие в строительстве. Тем не менее Фиораванти консультировал псковских мастеров, так как собор возводился из кирпича, изготовленного на его фабрике, а старые стены XIII в. до уровня цокольного этажа были достаточно мощными, поэтому строительство упрощалось – требовалось возвести верхнюю часть стен и украсить фасад. Иван III доверил работы мастерам, ненадежным в плане устройства фундаментов. Но эстетику архитектуры этой церкви определял не Фиораванти, а Иван

⁶ Василий Ермолин был оскорблен молодым напарником из аристократии, Иваном Головой, поэтому он отказался от любого участия в строительстве Успенского собора. [Борисов, 2018, с. 301–302].

⁷ Щавелев А.В. Роспись внутреннего свода – Изображение // Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Рублева. URL: <https://www.rublev-museum.ru> (дата обращения: 28.06.2022).

III и его мастера. Во-первых, в ней использовались мотивы псковского владими́ро-суздальского и местного зодчества. Во-вторых, в ней отсутствуют мотивы зодчества Болоньи (в отличие от интерьера Успенского собора).

Итак, мы показали, что доминирующим образом в строительной программе Ивана III была «градо-защитница» Св. Мария [Лихачев, 1985]. Эта особенность подтвердила наше предположение, что в строительной деятельности Иван III следовал давней христианской традиции, характерной для мецената средневекового типа. Для сооружения крупных объектов, как правило, таящего много опасностей, он нанимал опытных итальянских архитекторов – представителей «нового профессионализма», но для безопасных работ (росписей или декора) он предпочитал привлекать проверенных русских мастеров.

По убеждению Ивана III, Иоанн Златоуст покровительствовал военным походам [Борисов, 2018, с. 516]. В летописях его называли «небесным покровителем государя всея Руси»⁸. Тип храмов, который строился после удачного военного похода, именовался «обетным». К примеру, благодарственное настроение великого князя отражает каменная церковь в Ивановском монастыре 1479–1480 гг. Обетный храм символизирует помощь «патронального святого» – Иоанна Златоуста (таблица, № 13). По мнению Н.С. Борисова, Иван III полагал, что именно Златоуст даровал ему свое красноречие в ходе успешных переговоров с новгородцами [2018, с. 514]. Мы считаем, что правитель неслучайно выбрал именно этот монастырь. Меценат заметил, что обитель имени Иоанна крайне запущена и неприглядна; он «смилоствился»⁹ над ней и включил ее в свою строительную программу. Эти он «оживил» ансамбль монастыря новым бесстолпным одноглавым храмом с тремя выдвинутыми к востоку апсидами. Академик А.А. Баталов считает, что этот храм построил кто-то из итальянских мастеров [2018, с. 294].

Особое внимание Ивана III к «обетным» церквям вызывает два важных вопроса. Почему он почитал архангела Михаила? Какая скрывается за этим почитанием традиция? Как строился посвященный ему храм в московском Кремле: по одному проекту или по нескольким? А.А. Симонова выяснила, что образ архангела исходит, как минимум, из трех источников: (а) древнееврейского, где он уничтожает вражеские силы; (б) византийского, где он – основной союзник в военных походах Константина; и (в) ир-

ландского, где он помогает монахам войти в «народ Святых». «В империи он – Царь и Архистратиг, а в монастырской ипостаси – Ангел, который является на помощь душе» [Симонова, 2017. С. 129–130]. А.А. Симонова доказала, что эти источники повлияли на древнерусский культ архангела Михаила. Монахи воспринимали его как помощника в духовных делах, а правители – в делах военных. Данная гипотеза вполне убедительна и увязывается с фактом первой реконструкции московского собора 1471 г. (времен Калиты) [Борисов, 2018, с. 512]. Этими работами Иван III символически отметил победу над новгородцами на р. Шелони. И если воссозданный исследователем характер архангела верен, то становится понятнее, почему великий князь был готов и далее благодарить своего «патронального святого» [Лихачев, 1985, с. 129].

Однако в 1475 г. (т.е. всего через четыре года после реконструкции двух приделов) храм сгорел. Пожар уничтожил все основные деревянные конструкции [Борисов, 2018, с. 124]. Вероятно, князь не мог немедленно приняться за его восстановление из-за текущих расходов на возведение Успенского собора Фиораванти. Но уже через два года после его завершения (в 1481–1482 гг.) Иван III снова велел обновить храм архангела Михаила, но это здание довольно скоро пришло в негодность. Через тринадцать лет (в 1505 г.) Иван III в последний раз «отблагодарил» своего «патронального святого». К тому времени стало ясно, что Архангельский собор слишком мал для гробниц всех его предков. Поэтому в 1505 г. Иван III приказал разобрать храм. Памятуя о положительном опыте работы с Фиораванти, он заказал новый проект храма у итальянского архитектора Алевиза Нового. Согласно В.В. Кавельмахеру, Иван III перестраивал собор с явным намерением больше не заниматься «приделотворчеством» [2002, с. 123]. «Новый профессионализм» убедил мецената, что здания выглядит лучше, если оно составлено по архитектурному проекту. Поэтому Кавельмахер уверен, что с 1479 г. эстетика строительной программы Ивана III существенно меняется, и в 1508 г. правитель уже не платит за пристройки к старым зданиям, поскольку ему интересны только ясные и продуманные архитектурные формы [2002, с. 125].

Архитектор Алевиз Новый (Ламбэрти да Монтиньяна, около 1460–1531) приехал в Московию в 1504 г. вместе с другими итальянцами. Алевиз умел возводить крестово-купольную конструкцию и оформлять ее элементами классицизма. Он первым применил к московским храмам ордерную систему. Проектируя Архангельский собор, архитектор руководствовался произведением Фиораванти [Швидковский, 2016, с. 128].

⁸ Полное собрание русских летописей. Т. 8. С. 223.

⁹ Имя Иоанн, церковная форма русского имени Иван, происходит от древнееврейского יוֹחָנָן (yo-ha-nan), что означает «Бог смилоствился» или «сжалился».

Итак, церковные здания, посвященные Богородице, Златоусту и архангелу Михаилу, мы объединили в еще одно символическое семейство – «почет патрональному святому». Все объекты связаны с историческим строительством Ивана Калиты. Иван III отошел в эстетике храмового строительства от подражания прославленному предку, обратившись к «новому профессионализму».

С 1463 по 1480-е гг. Иван III обеспечивал безопасность московского Кремля и усиливал централизацию Русского государства. Он женился на дочери последнего византийского императора – Софье Палеолог. Вопрос о ее участии в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля изучался Л.В. Соловьевой и М.Г. Ракитиной. Ими установлено, что Софья Палеолог инициировала приезд своего знакомого Аристотеля Фиораванти, а затем Алевиза Нового и других итальянских мастеров [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 39]. На средневековое меценатство Ивана III влияла его вторая жена, которая несла с собой культуру Нового времени. В этом существенная особенность строительной программы Ивана III: греко-римское окружение Софьи Палеолог обеспечило подобающий прием архитекторам «нового профессионализма», но проектные задания (символично-смысловое наполнение архитектурных заказов) возводились в русле «старого профессионализма».

Каждая победа над сильным врагом (будь то пожар или военная победа) отмечалась новыми постройками. В 1468 г. Иван III построил церковь Симеона Дивногорца в благодарность за то, что сильный пожар этого города не перекинулся на Кремль. Симеон был аскетом, который жил в Антиохии в VI в. и, согласно легенде, имел прямое «богообщение» [Жития святых..., 2003, с. 449]. Символизировала ли построенная из дерева церковь самого Иисуса Христа? Возможно, но лишь опосредованно, через антиохийского аскета. Симеон не был «патрональным святым», а скорее «угодником» – человеком, который старался подражать жизни Спасителя. В программе Ивана III не было храмов, которые бы посвящались самому Иисусу Христу.¹⁰ Все объекты, которые Иван III строил, исходя из заботы о своей загробной жизни, мы выделили в отдельное символическое семейство (Таблица, № 36–39).

¹⁰ Храмы во имя Христова появились в строительной программе сына Ивана III – Василия III. Это церковь Воскресения Христова в Кремле. Подобно Успенскому собору Фиораванти, эта «соборная звонница является прототипом для подколоколенных сооружений с большим звоном» [Баталов, 2012].

С 1480-х гг. Иван III начал строительство светских зданий. Они представляли его земную власть. Возможно, что с приездом Софьи Палеолог идея теократии стала уступать идеям гуманизма. Ниже мы раскроем значение символа «Москва – Третий Рим», которая объединяет большую часть объектов программы. Мы не будем следовать устаревшему мнению историков XIX в., согласно которому единственная цель формулы «Москва – Третий Рим» – экспансионистская внешняя политика Руси. В настоящее время согласно точке зрения Ника Мэйхью, эта идеологическая формула олицетворяла – с одной стороны непрерывную московскую экспансию, а с другой – религиозную ответственность [Mayhew, 2021, p. 2]. Первая трактовка – значительно более поздняя, чем вторая. Источники идеологии – три послания монаха Филофея – были написаны в XVI в. и имели моральный подтекст. В первом послании монах писал о последствиях захвата Константинополя (Москва унаследовала статус православного центра). Во втором, Филофей обвинял Василия III в грехе прелюбодеяния, когда тот в 1525 г. развелся со своей первой женой, а через несколько лет взял себе вторую жену. В третьем послании Церковь представлялась в образе беременной, которая подвергается атакам ереси Рима, как змея. Таким образом, Феофила заботило завоевание Константинополя, грех царя и насаждение католичества. Идею же создания империи выдвинул не Иван III, а более поздние интерпретаторы XVIII в. Для современников строительной программы Ивана III дворцы и крепость Кремля еще не могли быть символами имперской идеологии.

Однако, хотя подданные Ивана III не могли считать себя «новыми римлянами» или «новым Израилем», все же великое Московское княжество признавалось одним из самых сильных государств Европы, а произведения итальянских архитекторов еще более убеждали в этом иностранных послов. Иван III не меньше Мехмеда II заслуживал прозвища Завоевателя. После покорения Новгорода и стояния на Угре его всерьез опасались польско-литовский король Казимир, хан Большой Орды Ахмат и даже римские папы стали регулярно отправлять ему своих легатов, чтобы договориться о взаимопомощи. Неудивительно, что в такой ситуации Иван III вел себя «с хамоватой самоуверенностью, слегка прикрытой холодной дипломатической вежливостью» [Борисов, 2018, с. 446]. Несмотря на неубедительность зарождающейся идеологии, Иван III уверенно называл себя «государем всея Руси», т.е. правителем страны, воссозданной в границах до монгольского завоевания.

Перенастройка строительной программы началась через шесть лет после удачного опыта с Успенским собором Фиораванти. Она включала фортификационные и дворцовые объекты. Так в 1485 г. великий князь задумал перестроить обветшавший белокаменный Кремль Дмитрия Донского, для чего пригласил итальянского архитектора Антона Фрязина (Антонио Джиларди), чтобы тот заменил материал некоторых участков стен и Тайницкой башни. Вместо белого камня применялся кирпич Фиораванти. Обновление по итальянским технологиям должно было символизировать «крепость», а не только «хранение» от нашествия врагов. Эстетика ренессансной фортификации должна была повлиять на восприятие иностранных гостей [Швидковский, 2016, с. 110].

В 1485 г. Антон Фрязин заложил стрельницу на месте Чешковых ворот белокаменной крепости 1366–1368 гг., предусмотрев внутри (на случай осады) колодец-тайник и скрытый выход к Москве-реке, в связи с чем башню прозвали Тайницкой. Башня имела проездные ворота и отводную стрельницу, соединенную высокими арочными переходами. Через год, в 1487 г., Иван III пригласил итальянца Марка, чтобы тот помог Антону реконструировать стены и построить Беклемишевскую башню (по имени боярина, чей двор в конце XV в. находился внутри Кремля и примыкал к новой башне) [Швидковский, 2016, с. 106–107]. В 1488 г. оба итальянца взялись за строительство Свибловой башни и возведение зубчатых стен.

Через два года, в 1490–1492 гг., Иван III пригласил еще одного итальянца (из свиты брата своей жены) – потомственного архитектора Пьетро Антонио Солари (1445–1493). Он возвел Фроловскую башню (или Фроло-лаврскую, ведь рядом с ней стояла церковь Фрола и Лавра) [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 128]. По распоряжению Ивана III храмы и дома разобрали в радиусе 18 м. от крепости. В этот же период был демонтирован храм Фрола и Лавра. Заметим, что после этой очистки москвичи стали именовать башню «Иерусалимской» (по церкви «Входа Господня в Иерусалим»). До реконструкции в XVII в., это была постройка в духе классицизма, а вместо привычных курантов находился колокол.

В 1493 г. Иван III приказал сделать барьер от огня в виде канала из реки Неглинки (таблица, № 32). Кроме фортификационных сооружений в Москве, великий князь не забывал охранять Владимир от нашествия врагов. В 1484–1485 г. он приказал построить из дерева дополнительные башни. Западная сторона площади стала постепенно застраиваться дворцовым

комплексом (Набережной, Средней Золотой, Большой Грановитой палатами) [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 115]. Первая палата закладывалась Марко и Солари в 1487 г. Золотая (Средняя) палата создавалась ими для официальных приемов (обе не сохранились). Построенная из кирпича и камня в 1487–1491 гг. Грановитая палата была украшена «бриллиантовым» рустом. Она и сегодня символизирует Москву как Третий Рим. Марко спроектировал палату двухэтажной, верхний этаж занимал просторный квадратный тронный зал. Очевидно, что Иван III хотел, чтобы его дворцовый комплекс представлял московский двор как равный другим ренессансным государевым дворам (таблица, № 24–26).

В 1492 г. правитель приказывает построить себе из дерева великокняжеский дворец [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 110]. Но через пять лет случился очередной пожар. Через семь лет Алевиз Новый построил на этом месте новый дворец Ивана III (таблица, № 31, 35).

Кроме дворцов, европейские меценаты закладывали сады, которые также (вместе с архитекторами) наполняли разными символами и аллегориями. Скульптуры и формы посадки растений в виде эмблем должны были напоминать о славе и деяниях древнеримских императоров, а также сообщать посетителям сада о силе и эрудиции патрона. Андерсон считает, что «ренессансный сад выполнял одновременно как функциональную, так и символическую роль» [Anderson, 2013, p. 200]. Иван III заметил эту форму государственного представительства. И в 1495 г. решил расширить «Государев сад», который был разбит Василием I. Для этого разобрали имевшиеся там жилые дворы [Комиссия по изучению... 1997, с. 600].

Итак, дворцы, сад и противопожарные объекты мы объединили в единое символическое семейство «Москва – Третий Рим». Мы рассмотрели все значительные объекты строительной программы Ивана III. Некоторые объекты отнесены к двум семействам (таблица, № 12, 14, 15, 36, 39).

Особого внимания заслуживает почитание Иваном III Единого Бога – Саваофа. Благодарил ли великий князь Его за успехи в военных походах?¹¹ Верил ли он в свою неизменную «богоизбранность» (особенно в предопределении своей миссии по объединению государства)? Понимание этих моментов позволяет раскрыть символические особенности строительной программы великого князя.

¹¹ Титул «Саваоф» (евр. שָׁבָאֹף (Saba'ōth) означает «Военачальник», свойство всемогущества.

Н.С. Борисова убедительно показывает, что Иван III, несмотря на сильную занятость государственными делами, всегда находил время на утренние и вечерние богослужения. «Благодарение Богу» было частью его жизни¹² [Борисов, 2018, с. 245]. В конце жизни Ивана III пережил немало трагедий: от дворцовых интриг погибла его первая семья¹³; страдала от распрей и вторая семья¹⁴. В 1503 г. глаз, руку и ногу Ивана III сковал паралич. У ослабевшего князя не оставалось надежды самостоятельно спасти государство. Он сосредоточился на новых объектах своей строительной программы, не переставал одаривать своих «патрональных святых» за земные победы, но больше сил отдавал монастырям (добрые дела для спасения души). До 1500 г. Иван III больше разорял монастыри, чем помогал им.

Забота о посмертной жизни отразилась в украшении Чудового и Андроникова монастырей. Церковь Козьмы и Демьяна при Чудовом монастыре 1504–1505 гг. можно отнести к тому же типу, что и храм Симеона Дивногорца. В 1504 г. правитель заложил трапезную Андроникова монастыря. Она возводилась из кирпича до 1506 г.¹⁵ Ее конструкция повторила Грановитую палату Московского Кремля.¹⁶ Став доминантой ансамбля, этот объект строительной программы Ивана III сформировал архитектурный облик всего Андроникова монастыря [Соловьева, Ракитина, 2019, с. 129].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, строительная программа Ивана III включала две части: его политику и его религиозные убеждения. Первая часть носила глубокий отпечаток культуры Нового времени, а вторая – средневековой. Поэтому, с одной стороны, в программе Ивана III больше «просвечивает» личность, чем в программах его предков. С другой стороны, в ней меньше секуляризма¹⁷, чем в итальянской культуре Ренессанса. По выражению Н.С. Борисова, «лик князя» виден за кирпичными и каменными стенами, хотя и не так выпукло, как в архитектуре итальянских, литовских, или венгерских правителей. Меценатство Ивана III можно сравнить с немецкими строительными программами, в которых «новый профессионализм» также постепенно заменяет «старый», но внешний вид построек остается более средневековым, чем в других землях. Строительная программа Ивана III делится на два этапа: до и после приезда Софии Палеолог. Первая половина программы должна была представить князя как богоугодного наследника правителей всех славянских земель. Вторая половина отмечена поворотом к религиозной идеологии «Москва – Третий Рим». Строительная программа Ивана III имела огромное значение: она изменила представление об архитектурной профессии в России и сформировала идейную основу для строительного меценатства следующих поколений Рюриковичей.

¹² Великий князь регулярно отправлялся на богомолье по разным монастырям. Особенно он любил молиться в обители Сергия Радонежского (в настоящее время – Троице-Сергиева лавра) [Баталов и др., 2005, с. 582]. В молодости он ездил туда, когда успешно тушил очередной пожар внутри своей крепости, а в старости, когда хотел потушить «огонь» семейных распрей.

¹³ Н.С. Борисов полагает, что сын первой жены князя – Иван Молодой – был отравлен второй женой, Софией Палеолог.

¹⁴ К Палеолог с подозрением относилась как аристократия, так и духовенство московского двора. С самого начала приезда Софии из Рима ее подозревали в выполнении особой миссии папы.

¹⁵ Вероятно, кирпичи для трапезной палаты Андроникова монастыря делались из добытой неподалеку, в с. Калитниково, глины, которая использовалась также Аристотелем Фиораванти при постройке Успенского собора Московского Кремля и других московских сооружений.

¹⁶ В первом ярусе палаты располагались хозяйственные службы. Второй ярус занимал парадный зал трапезной. Большое пространство зала перекрыто четырьмя крестовыми сводами, опирающимися на расположенный в центре столп.

¹⁷ Секуляризм правителей Ренессанса – здесь понимается как «переход европейского сознания от религиозного миро- и жизневоззрения к гуманистическому» [Гура, Давыденкова, 2018].

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ п/п	Дата Date	Строительные объекты Building object	Автор и тип работ Author and type works	Символическое семейство Symbolic type
1	2	3	4	5
1	Февраль 1458–1461	Церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору	Василий Ермолин (предположительно)	Уважение к памяти, деяниям и славе предков
2	Март 1462	Кремлевские стены (Москва)	В. Ермолин. Обновление от Свибловой башни до Боровицких ворот	То же
3	15 июля 1464	Фроловская башня (Москва)	В. Ермолин. Украшение с внешней стороны каменной скульптурой св. Георгия Победоносца	То же
4	15 июля 1466	Фроловская башня (Москва)	Украшение с внутренней стороны каменной скульптурой Св. Дмитрия Солунского	То же
5	1466	Собор Рождества Богородицы (Пафнутьево-Боровской монастырь)	В. Ермолин. Возведение из камня	Почет патрональному святому
6	1 сентября 1468–31 августа 1469	Церковь Положения Ризы Божией Матери на Золотых воротах (Владимир)	В. Ермолин. Обновление интерьеров	Уважение к памяти, деяниям и славе предков
7	1468	Церковь Симеона Дивногольца (Москва)	В. Ермолин. Возведение из дерева	Обет и благодарение Богу
8	1 сентября 1470–31 августа 1471	Георгиевский собор (Юрьев-Польский монастырь)	В. Ермолин. Обновление здания, особенно интерьеров	Уважение к деяниям и славе предков
9	14 июля 1471	Архангельский собор Московского Кремля	Устройство двух приделов из дерева	Обет и благодарение Богу
10	1472	Церковь Гребневской Богоматери / Успения Божией Матери (Новгород)	В. Ермолин. Возведение из дерева	Обет и благодарение Богу
11	1474–1476	Церковь св. Алексия при Чудовом монастыре	В. Ермолин. Возведение из камня	Почет патрональному святому
12	12 мая 1476–12 августа 1479	Собор Успения Божией Матери	Аристотель Фиораванти. Возведение из камня и кирпича	Почет патрональному святому Москва – Третий Рим
13	11 июля 1479	«Обетная» церковь Иоанна Златоуста при Ивановском монастыре	Возведение из камня	Обет и благодарение Богу
14	1480–1481	Церковь Рождества Богородицы	Восстановление из камня	Уважение к деяниям и славе предков Почет патрональному святому
15	8 сентября 1481	Архангельский собор Московского Кремля	Устройство двух приделов из камня	Почет патрональному святому Обет и благодарение Богу
16	1481–1482	Собор Сретинского монастыря	Разборка деревянной, возведение каменной постройки	Уважение к деяниям и славе предков
17	1481	Собор на Кубенском озере (Спасо-Каменный монастырь)	Возведение из камня	Уважение к деяниям и славе предков
18	1484–1489	Благовещенский собор (придворная церковь Московского Кремля)	Кривцов и Мышкин (с консультациями Фиораванти). Кирпичная надстройка на старых стенах XIII в. и фасадные украшения	Москва – Третий Рим

Продолжение прил.

1	2	3	4	5
19	1484	Успенский собор (Иосифо-Волокаменский монастырь)	Возведение из камня	Почет патрональному святому
20	1 сентября 1484–31 августа 1485	Крепость (Владимир)	Дьяк Василий Мамырев Возведение из дерева	Москва – Третий Рим
21	1 октября 1485	Церковь Ризоположения из села Бородава	Возведение из дерева	
22	19 июля 1485	Кремлевские стены: Тайницкая башня (Москва)	Антон Фрязин. Замена белокаменных стен и башен на кирпичные	
23	1487	Кремлевские стены: Беклемишевская башня (Москва)	Антон и Марко Фрязины. Замена белокаменных стен и башен на кирпичные	
24	1487	Набережная палата	Антон и Марко Фрязины Возведение из камня.	
25	1487	Золотая Средняя палата	Антон и Марко Фрязины Возведение из камня.	
26	1487–1491	Грановитая палата	Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари. Возведение из камня и кирпича	
27	19 июля 1488	Кремлевские стены: Свиблова башня (Москва)	Антон и Марко Фрязин. Возведение зубчатых стен	Москва – Третий Рим
28	1490–1492	Кремлевские стены: Фроловская (Спасская) башня (Москва)	Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари	
29	1490	Собор Рождества Богородицы (Ферапонтов монастырь)	Возведение из камня	Почет патрональному святому
30	1491–1496	Спасский монастырь	Перемещение из Кремля, возведение каменного собора	Москва – Третий Рим
31	Весна–осень 1492	Великокняжеский дворец	Возведение из дерева	
32	1493	Барьер для огня	Канал из реки Неглилки	
33	1495	Государев сад	Расширение сада до великокняжеского дворца	
34	1497	Успенский собор (Кирилло-Белозерский монастырь)	Возведение из камня	Почет патрональному святому»
35	Весна 1499–весна 1508	Великокняжеский дворец	Алевиз Фрязин. Возведение из камня	Москва – Третий Рим
36	1500–осень 1503	Собор Архангела Михаила при Чудовом монастыре	Разборка деревянной, возведение каменной постройки. Украшение Чудова монастыря	Почет патрональному святому Забота о загробной жизни
37	1504–1505	Церковь Козьмы и Демьяна при Чудовом монастыре	Перестройка каменной постройки	Забота о загробной жизни
38	Лето 1504	Трапезная Андроникова монастыря	Заложение кирпичной трапезной	Почет патрональному святому Забота о загробной жизни
39	Весна 1505	Архангельский собор	Алевиз Новый. Разборка и перестройка из кирпича и камня	

Источник: [Борисов, 2018, с. 507–530].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

Баталов А.Л., Головкова Л.А., Харченко Г. Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь: Страницы истории. М.: Лето, 2005. 128 с.

Баталов А.Л. Церковь Воскресения Христова в Кремле – малоизученная постройка Петрока Малого // Лазаревские чтения: Искусство Византии, Древней Руси и Западной Европы: материалы науч. конф. 2011. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 162–183.

Бельский К.С. Финансы и финансово-правовые отношения в Московском царстве. Финансово-правовые преобразования в Московском царстве во второй половине XV–XVI вв. // Государство и право. 2020. № 8. С. 81–90.

Борисов Н.С. Иван III. Отец русского самодержавия. 3-е изд. М.: Академический проект, 2018. 639 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А.И. Маленина и А.В. Назаренко, с ранненоверхненемецкого А.В. Назаренко

Гура В.А., Давыденкова А.Г. Ренессансные истоки секуляризации // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2018. № 3. С. 3–10.

Дмитриева М.Э. Италия в Сарматии. Пути Ренессанса в Восточной Европе. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 420 с.

Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского: с дополнениями, объяснениями, примечаниями и изображениями святых. Репринтное издание. Печенга (Мурманская область): Трифонов Печенгский монастырь. М.: Книжное Дело, 2003. Кн. 7. 750 с.

Забелин А.В. Социальное положение архитектора Аристотеля Фиораванти в домосковский период // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 4. С. 128–141.

Кавельмахер В.В. О приделах Архангельского собора // Архангельский собор Московского Кремля. М., 2002. С. 123–160.

Комиссия по изучению Старой Москвы // Москва: Энциклопедия / гл. ред. С.О. Шмидт; сост. М.И. Андреев, В.М. Карев. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. 976 с.

Лихачев Д.С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 17–23.

Медведь А.Н. Василий Ермолин – скульптор, зодчий, подрядчик? // Вопр. истории естествознания и техники. 2017. Т. 38, № 1. С. 149–155.

Пустовит А.В. Этика и эстетика: Наследие Запада. История красоты и добра: учеб. пособие. Киев: МАУП, 2006. 680 с.

Симонова А.А. Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция. М.: Прометей, 2017. 354 с.

Соловьева Л.В., Ракитина М.Г. К вопросу об участии Софии Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля // Ист. вестн. 2019. Т. 28. С. 28–41.

Швидковский Д.О. Исторический путь русской архитектуры и его связи с мировым зодчеством. М.: Архитектура-С, 2016. 512 с. Anderson C. Renaissance architecture. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. 272 p.

Gilbert K.A. Medici power and patronage under Cosimo the Elder and Lorenzo the Magnificent. Senior Honors Thesis. Eastern Michigan University, 2005. 103 p.

Paoletti J.T., & Radke G.M. Art in Renaissance Italy. Laurence king publishing, 2005.

Mayhew N. Moscow: The Third Rome. Oxford Research Encyclopedia of Literature. 2021. P.15–25.

Wilkinson C. The New Professionalism in the Renaissance // The Architect: Chapters in the History of the Profession / ed. by S. Kostof. N.Y., 1977. P. 124–60.

(1997). Commission to study Old Moscow. *Moskva: entsiklopediya*. Moscow, Big Russ. encycl. (In Russ.)

(2003). Hagiographies of Saints in Russian, set out according to the Manual of the Lamentations of St. Demetrius of Rostov: with extras, explanatory notes and pictures of saints. Peprint edition of Pechenga (Murmansk Region), Trifonov Pechenga Monastery. Moscow, Book business, bk. 7, 750 p. (In Russ.)

Anderson Ch. (2013). Renaissance architecture. Oxford, Oxford Univ. Press, 272 p.

Batalov A.L., Golovkova L.A., Kharchenko G. (2005). Moscow St. John the Baptist convent: pages of history. Moscow, Lето, 128 p. (In Russ.)

Batalov A.L. (2012). Church of Resurrection in the Kremlin is a little-studied building of Petrok Maly. *Lazarevskie chteniya: Iskustvo Vizantii, Drevney Rusi i Zapadnoy Evropy: materialy nauchnoy konferentsii 2011*. Moscow, Moscow Univ., pp. 162–183. (In Russ.)

Belsky K.S. (2020). Finances and financial-legal relations in Moscow Kingdom. Financial and legal transformations in Moscovite Tsardom in the second half of XV–XVI centuries. *Gosudarstvo i pravo*. No. 8, pp. 81–90. (In Russ.)

Borisov N.S. (2018). Ivan III. Father of the Russian Autocracy. Moscow, Acad. Project, 639 p. (In Russ.)

Dmitrieva M.E. (2015). Italy in Sarmatia. Pathways of the Renaissance in Eastern Europe. Moscow, New lit. rev, 420 p. (In Russ.)

Gilbert K.A. (2005). Medici power and patronage under Cosimo the Elder and Lorenzo the Magnificent. Michigan, Eastern Michigan Univ. Publ, 103 p.

Gura V.A., Davydenkova A.G. (2018). Renaissance origins of secularization. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. No. 3, pp. 3–10. (In Russ.)

Herberstein S. (2008). Notes on Muscovia. Moscow, Histor. thought monuments, vol. 1, 776 p. (In Russ.)

Kavelmakher V. (2002). On the side chapels of the Archangel Cathedral. *Arkhangel'skiy sobor Moskovskogo kremlya*. Moscow, pp. 123–160. (In Russ.)

Likhachev D.S. (1985). Town-protective semantics of Assumption temples in Russia *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: materialy i issledovaniya*. Moscow, Nauka, pp. 17–23. (In Russ.)

Mayhew N. (2021). Moscow: the third Rome. *Oxford Research Encyclopedia of Literature*. Oxford, pp. 15–25.

Medved A.N. (2017). Vasily Yermolin – sculptor, architect, contractor? *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. Vol. 38, no. 1, pp. 149–155. (In Russ.)

Paoletti J.T., Radke G.M. (2005). Art in Renaissance Italy. London, Laurence King Publ, 576 p.

Pustovit A.V. (2006). Ethics and aesthetics: legacy of the West. The history of beauty and goodness: a textbook. Kiev, IAUP, 680 p. (In Russ.)

Shvidkovsky D.O. (2016). Historical path of Russian architecture and its connections with the world architecture. Moscow, Arkhitektura-S, 512 p. (In Russ.)

Simonova A.A. (2017). Ancient Russian religious worldview and the Irish Christian tradition: monograph. Moscow, Prometei, 354 p. (In Russ.)

Solovieva L.V., Rakitina M.G. (2019). On the issue of Sophia Palaiologina's participation in the Italian architects invitation to rebuild the Moscow Kremlin. *Istoricheskiy vestnik*. Vol. 28, pp. 28–41. (In Russ.)

Wilkinson C. (1997). The new professionalism in the Renaissance. *The architect: chapters in the history of the profession*. New York, pp. 124–160.

Zabelin A.V. (2021). The social position of the architect Aristotile Fioravanti in the pre-Moscow period. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie»*. No. 4, pp. 128–141. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2022

Дата рецензирования 11.05.2022

Статья принята к публикации 07.07.2022